

ЕГИПЕТСКИЙ НОВЕЛЛИСТ М. АЛ-МАХЗАНГИ

Мухаммед ал-Махзанги - египетский новеллист, родился в 1963 г. в городе ал-Мансура, в Нижнем Египте, там же закончил медицинский факультет университета. В конце 1980-х гг. в течение четырех лет специализировался по психиатрии в Киеве, где стал свидетелем аварии на Чернобыльской АЭС, о чем написал очерк-репортаж и несколько рассказов. После двенадцати лет врачебной деятельности перешел на работу в прессу, в настоящее время является советником каирской редакции кувейтского журнала «Ал-Араби».

У М.ал-Махзанги семь книг рассказов, две книги для детей, научный труд об альтернативной медицине и сборник очерков о его поездках по разным странам мира (последний в электронной версии).

В 1992 г. М.ал-Махзанги получил премию за лучший сборник рассказов года, в 2005 г. - национальную литературную премию как лучший египетский новеллист.

Творчество М.ал-Махзанги пронизано живым чувством любви, боли, сострадания к его персона-

жам. Трагичность мира видится писателю в постоянном противоборстве жизни и смерти, в том, что каждый человек может в любой момент стать жертвой болезни, техногенной катастрофы, природного катаклизма, вооруженного конфликта. Он раскрывает в рассказах присущую человеку любовь к жизни и отстаивает право человека на жизнь.

В сборнике «Животные наших дней» («Хайванат айамина», Каир, 2006), два рассказа из которого «Газели» и «На спине слона» мы публикуем в этом номере, мир предстает во взаимосвязанности, взаимодействии живой природы и людей, речь идет о качествах «человечности», проявляющихся порой у животных, и о признаках «озверения», наблюдаемых у современного человека. Но писатель говорит и о том, что отличает человека от животного, о силе человеческой любви, о доброте, способной спасти ближнего.

Рассказам сборника предпосланы эпитафии из сочинений о животных средневековых арабских авторов и современных ученых.

МУХАММЕД АЛ-МАХЗАНГИ

ГАЗЕЛИ

Глаза газели, встреченной на пути из ар-Русафы в ал-Джиср, вдруг наполнили волнением мое сердце.

Али Ибн ал-Джахм*

«В ходе полевых исследований доктор Лариса Конрадт и профессор Ним Роберт установили, что среди множества популяций животных, организованных по принципу «диктатуры», единственной «демократической» популяцией являются розовые газели. Пользуясь статистическим методом для сравнения способов принятия решений, определяющих поведение различных популяций диких животных, и их воздействия на отдельных особей, ученые пришли к выводу, что стадо газелей покидает пастбище лишь после того, как число особей, поднявших головы в знак насыщения, достигнет 62%. А стадо розовых

газелей, завидев другое стадо газелей этого же вида, пасущееся в каком-то месте, спокойно и тихо удаляется искать себе другое пастбище. Все газели подчиняются этим демократически принимаемым мирным решениям, реагируя на особые, понятные всем особям телодвижения, т.е. на некий язык тела».

(Научный журнал «Фокус»)

Морские пехотинцы вошли во дворец после долгого, продолжавшегося всю ночь обстрела - грохота взрывов, шума падающих обломков, пламени пожаров. Вошли с первыми проблесками зари, тонувшими в густом дыму и в смраде

горящих тел. Они были обессилены и голодны, но опьянены столь неожиданно быстро одержанной победой. И это усиливало у них чувство голода. Они кинулись прочесывать президентский дворец и парк в поисках пищи и обнаружили в парке газелей и львов.

Окаменевшие от страха газели сгрудились в кустах, тянущихся вдоль парковых аллей. Морским пехотинцам не составило труда похватать их и перетащить в вестибюль дворца, где они собирались отпраздновать победу. Там они соорудили жаровню, используя для

* Али Ибн ал-Джахм - арабский поэт (ум. 863).

этого кресла, изготовленные самыми искусными мастерами-мебельщиками на свете и украшенные пластинами французского золота высокой пробы. Обнаруженные теми же пехотинцами четыре льва, разъяренные голодом, дымом и смрадом, с рычанием метались в своих клетках из блестящей нержавеющей стали. Это были львы сына президента, ходили слухи, что он якобы кормил их мясом тех, кто на-

влекал на себя его гнев. Один из морских пехотинцев предложил, забавы ради, остатки мяса газелей после пиршества бросить львам.

Предложение потонуло в шуме и гомоне победителей, в восхитительных запахах жарящегося мяса двадцати газелей белой арабской породы и десяти великолепных, словно сотканых из ветерка, впитавшего все ароматы цветов, песчаных газелей. Еще не успело зай-

ти солнце, как все эти газели превратились в груды костей с торчащими на них кое-где обьедками жареного мяса. Большинство морских пехотинцев, насытившись, задремало в мягких креслах. Но некоторых сон не брал, и они потащили кости в клетки ко львам. Им было неизвестно, что львы брезгают жареным мясом. Так неужели они стали бы глотать изваянные в золе кости?!

НА СПИНЕ СЛОНА

«Слон - страшное животное, опасайся взбираться на его спину и использовать его как вышку для наблюдения или для охраны. Слон может убить, покалечить, затоптать ногами. Говорят, что хосрои* казнили людей, кидая их под ноги специально обученным слонам».

(Ал-Джахиз**)

«Книга о животных»)

«Когда Таркин Халь отправился в Ассам, в Северной Индии, чтобы заснять операцию по поимке бешеного слона, убившего сорок человек, он узнал там, что владелец слона, пьяница, долгое время с ним дурно обращался. Слон страдал от тяжелых железных цепей, в которые были закованы его ноги. Цепи проржавели, и некоторые их звенья впились в мясо ног».

(Синди Эйнджел)

«Душевные болезни»)

Я в жизни не испытывал такого страха, какой испытал сидя на спине слона, поднимавшегося в Джайпурскую крепость, хотя мне и довелось пережить немало страшных моментов, особенно во время поездок, начиная еще с юношеских лет, когда я ездил безбилетником на крышах вагонов вместе с нищими, бродягами и жуликами. Чуть зазеваешься, и электропровода могут перерезать тебе шею, неожиданно возникающие пролеты мостов грозят разmozжить голову, если

не успеешь вовремя распластаться и прижаться к крыше всем телом. После юношеского бродяжничества наступил черед поездок на автомашинах-развалюхах и на ветхих автобусах по крутым склонам гор красноморского побережья, над пропастями ливанских гор и вдоль смертельно опасных расщелин тибетского нагорья. Я пролетел над вершинами гор Лаоса на старом русском самолете, который чуть не загорелся в воздухе, проплыл по бурливой реке Замбези с ее опасными поворотами и перепадами в утлом каное, лодка то и дело ныряла, а я не умел плавать. Пешком пересек минные поля в Камбодже, так называемые «поля смерти». Пролетел на вертолете над гигантскими водопадами Виктории. Семь полных лет профессионально занимался гимнастикой с единственной целью - стать воздушным акробатом в цирке, человеком, рискующим жизнью при каждом прыжке на летящую трапецию при выполнении в воздухе сальто назад.

* * *

Страх меня притягивает, но не по тем причинам, которые психологи относят к разряду компенсаторных воздействий. Просто, противостоя страху, я испытал чувства наслаждения и упоения, которые испробовавший их стремится пережить снова и снова. Чувства всепоглощающие, раздвигающие пределы твоего обычного существования, раскрывающие невидимые горизонты бытия, сияющий источник света, от которого расширяются

зрачки, по коже бегут мурашки, сердце колотится, и горячая волна прокатывается от позвоночника до макушки. Состояние какой-то сверхъестественной готовности всего тела. Ты ощущаешь страх и одновременно ощущаешь себя в абсолютной форме. Это опьянение адреналином, как называют его ученые, исследовавшие людей, которые занимаются опасными видами спорта - парашютистов, совершающих затяжные прыжки, альпинистов, гребцов, спускающихся на лодках по горным порожистым рекам, канатоходцев, переходящих улицу по проволоке, натянутой между небоскребами, тех, кто взбирается на небоскребы по их фасадам.

Ради этого опьянения, пусть его называют адреналиновым, я часто подвергал себя опасностям, выбирая вместо надежного и безопасного самое рискованное, то, что «встряхнет» меня, заставит остро почувствовать вкус жизни. От этого мои поездки и путешествия делались куда как интересней, становились просто незабываемыми. Как правило, самые примитивные и ненадежные средства передвижения более всего гарантируют это столкновение с неожиданным, неизвестным, стрессы, подхлестывающие все реакции организма. Именно поэтому я предпочел подняться в Джайпурскую крепость по крутой, узкой и ухабистой дороге, идущей по краю страшного пятисотметрового обрыва над ложем высохшего озера, заваленного осыпью камней и обломками скал с

* Хосрои - титул древних персидских царей.

** Ал-Джахиз - знаменитый арабский филолог и ученый (ум. 869).

острыми краями, не на автомашине и не на микроавтобусе, оборудованном специальными шинами, а на слоне. Поездка на спине слона будоражила воображение, вызывала в памяти образы махараджей, которые построили эту крепость на горном склоне и жили в ней из поколения в поколение, пока не кончилось их время, а высокая грозная крепость не превратилась в достопримечательность и чудо.

* * *

Я знал, что поездка на слоне - сомнительное удовольствие. Конечно, взирая на мир с такой широкой и высокой движущейся площадки, как спина слона, это здорово. Но такая поездка сопряжена с физическим напряжением, которое легко переносить лишь привыкшим ездить на слоне художникам и гибким азиатам. Слон - это не верблюд, раскачивающий седока взад и вперед, что соответствует естественному наклону и выпрямлению человеческого тела. И не лошадь, гордо несущая своего всадника. И не осел, трясущийся так же, как и сидящий на нем. Слон - живая гора, она движется тяжело и медленно, постоянно меняя ноги: передняя правая поднимается одновременно с задней левой, делает гигантский шаг, потом поднимаются передняя левая и задняя правая, делают следующий гигантский шаг. И каждый гигантский шаг отдается болью в телах людей, цепляющихся за поручни своих мест на гигантской спине. Источник этой боли в несоответствии оси наклонов слона нормальным реакциям человеческого тела, если только человек с детства не привык ездить на слоне. Широкие, тяжелые шаги заставляют суставы сидящих на нем - особенно сочленения позвонков, костей таза, ключиц, плечевые суставы - тереться один о другой, словно мельничные жернова. Этот болезненный опыт мне уже довелось приобрести на острове посреди реки Меконг, неподалеку от Вьентьяна, а также в древнем храмовом комплексе в Бангкоке, и я уже не страшился повторить его в Джайпуре.

* * *

У подножия склона, где начинается дорога, поднимающаяся к крепости, находилась «стоянка» слонов, один за другим они подходили к широкой стенке высотой с этаж дома, своего рода террасе, с которой и происходила посадка. Слоны были ярко разрисованы: изображения веток и цветов окружали их глаза, покрывали лбы и тянулись вдоль длинных хоботов. Сидения для пассажиров напоминали кровати из кованого железа - широкие, застланные большими матрасами со стоймя прислоненными к железному ограждению, высотой примерно с фут, подушками. Эти «кровати» были закреплены в горизонтальном положении с помощью широких ремней из грубой кожи. Я подумал, что это не иначе, как кожа слона, с его огромного морщинистого, графитового цвета брюха.

Вместе с другими я начал подниматься по каменным ступенькам на стенку, чтобы с нее сесть на спину слона. Но процедура посадки чрезвычайно затянулась, и я заметил вокруг множество чинов индийской полиции. До моего слуха дошли разговоры о том, что для получения разрешения на посадку необходимо пройти строгий досмотр и что принимаемые меры предосторожности связаны с ситуацией в Кашмире, с межобщинными стычками в Хайдарабаде и с взрывом поезда недалеко от Бомбея. Я сказал себе: ничего, предосторожность необходима, слепой экстремизм не разбирает между поездом и слоном, между врагами и посторонними людьми, между человеком и камнем, экстремистам главное - взорвать и устроить врагов этими взрывами. Но, поднявшись на террасу, я с удивлением отметил, что досматриваются не только сумки и пакеты пассажиров, но и их одежда, более того, им велят засучивать рукава и поднимать вверх руки и пристально разглядывают их, перебирая палец за пальцем. То же проделывают и с пальцами ног, заставляя людей садиться и разуваться! Я подчинился с большой неохотой. И уже усевшись на свое место на спине слона, продолжал размышлять над происходящим, не находя ему объяснения. По-

груженный в решение этой загадки, я даже не заметил, как слон зашагал по ведущей вверх дороге.

* * *

На слоне нас было десять человек, не считая погонщика, сидевшего впереди, на шее слона. Четверо из этих десяти, молодые ребята, не переставали пересмеиваться и перемигиваться между собой, водили маленькими соломинками по пальцам своих рук, а потом так и этак пытались дотянуться этими соломинками до кожи слона. Обернувшийся к ним погонщик, увидев в руках ребят соломинки, устремил на них сердитый взгляд и что-то быстро произнес на местном языке, не то ругательство, не то угрозу, а может, и то и другое вместе. Молодые люди на некоторое время притихли, а потом вновь стали смеяться, перемигиваться и забавляться. Я с вопросом в глазах и недоуменно разведя руками посмотрел на одного из них, сидевшего со мною рядом и выглядевшего смущенным, несмотря на то, что он тоже участвовал в забавах остальных. С его смуглого, приятного лица сошло озорное выражение, и он застенчиво ответил мне по-английски с сильным акцентом: «антш». Из-за акцента я сначала не понял, что за слово он произнес. Чтобы помочь мне, юноша стал быстро перебирать пальцами, изображая движение мелких существ, и тут я понял и удивленно воскликнул: «Муравей... муравьи?» Он кивнул со смущенной улыбкой и шепотом объяснил мне, что муравьи стали последним изобретением экстремистов в странах, где слоны используются для перевозки и волочения грузов, а также в туристических целях и на различных празднествах... в Лаосе, Камбодже, Мьянме, Таиланде, Шри-Ланке, Непале, Индии. Никто точно не знает, проводились ли и где именно подобные операции, но «техника» их проведения уже известна всем, а слухи о них как чума распространились по всему региону, из уст в уста передаются истории о взбесившихся слонах, в уши которых незаметно запустили муравьев, о десятках затоптанных ими

людей, разрушенных домах, иско-
реженных автомашинах, вытоптан-
ных садах. Наносимый слонами
ущерб больше, чем от начиненной
взрывчаткой машины или от зами-
нированного участка дороги.

* * *

После того как к нашему разго-
вору подключились и другие си-
девшие на слоне, я ясно представил
себе всю опасность этого «за-
пугивания муравьями» и подумал о
том, что люди, способные осуще-
ствлять подобные операции, могут
быть ни в чем не похожи друг на
друга, исповедовать разные идео-
логии, веры, политические взгля-
ды, принадлежать к различным эт-
ническим общностям. Оппозици-
онные группировки и вооруженные
формирования в этих странах ок-
рашены в широкий спектр несо-
вместимых цветов: сельскохозяй-
ственные и промышленные баро-
ны и торговцы наркотиками на юге
Лаоса и на севере Таиланда, ком-
мунисты-маоисты в Непале, изум-
рудная мафия в Бирме, банды,
промышляющие контрабандой ла-
данного дерева в Камбодже, рели-
гиозные и этнические сепаратисты
в Шри-Ланке, на некоторых остро-
вах Индонезии, в Северной Индии.
У них разные интересы и убежде-
ния, но всех объединяет муравей,
используемый, чтобы причинять
боль. Это и не может быть иначе!
Но разве боль может служить
средством избавления от любой
другой боли? Они что, полностью
лишились разума, совсем ослеп-
ли?! Разве есть глаза, чтобы разли-
чать свои жертвы, у огня, пожира-
ющего подожженные дома? Разве
есть глаза у взрывного устройства,
заложенного в мусорный ящик, в
автомашину, под сиденье в поез-
де? Видит ли что-нибудь муравей,
запущенный в ухо слона, ищущий
выхода и грызущий своими остры-
ми челюстями страшно чувстви-
тельные бугорки - оголенные нерв-
ные окончания? Это вызывает не-
стерпимый зуд, электризует мозг
гигантского животного, доводит
его до бешенства. Слон начинает
бушевать, стряхивает с себя седо-
ков, они летят с высоты на землю и
гибнут под его ногами вместе с те-

ми, кто случайно оказался рядом.
Пытаясь избавиться от невыноси-
мого зуда, слон трется всей своей
огромной массой о стены домов и
давит вжимающихся в эти стены в
надежде уберечься людей.

* * *

Моментально в моем мозгу вы-
строились страшные картины воз-
можной смерти в случае, если наш
слон придет в неистовство: я па-
даю на камни дороги и ломаю себе
кости, а потом он растаптывает
меня ногами; я избегаю падения,
но в безумной попытке ухватиться
за скалы с правой стороны дороги
оказываюсь зажатым между кам-
нями и слоновым боком и раздав-
ленным; я падаю далеко от слона и
от каменной стены, но лечу в пяти-
сотметровую пропасть, на дно су-
хого озера и разбиваюсь об ост-
рые обломки скал, раскалившихся
под жарким солнцем Раджастанхана.

* * *

Картины ужасной смерти стоя-
ли перед моими глазами, я не мог
думать ни о чем другом. Мы уже
преодолели к тому времени две
трети пути и поднялись на высоту,
с которой дно сухого озера выгля-
дело особенно устрашающим. Я
утратил всякую способность любо-
ваться окружающими видами и бе-
лыми башнями уже близкой крепо-
сти. Я неотрывно наблюдал за мо-
ими соседями, стараясь угадать,
кто из них преступник, прячущий
между пальцами, под ногтями или
в глубине кармана муравьев и вы-
жидающий удобного момента, что-
бы выпустить их в ухо слона. Ведь
он непременно сделает это и най-
дет способ сбежать до того, как
слон превратится в льва. Интерес-
но, будет ли он доволен кровавыми
и пагубными последствиями этого
превращения? Будет ли радовать-
ся, глядя, как падают и разбивают-
ся о камни люди, как разрываются
на куски их тела. Наверняка те, кто
способен на такое, каких бы поли-
тических взглядов он ни придержи-
вался, какую бы религию ни испо-
ведовал, к какому бы этносу ни
принадлежал, испытывает некое
упоение. Интересно, похоже ли
оно на то упоение, которое не раз

испытал я перед лицом опасности?
Так же ли на тех, кто сеет страх
среди других, накатывает волна
адреналина? Неужели свершение
страшного деяния, вид окровав-
ленных, обожженных, раздавлен-
ных человеческих тел вызывает у
них чувство злобной радости, за-
ставляет ощущать прилив сверхъе-
стественных сил, тайную дрожь на-
слаждения, от которой глаза захо-
раются чувственным блеском?

Я так и видел себя раздавлен-
ным, растерзанным или летящим в
пропасть на острые зубья раска-
ленных солнцем скал. Слон, пре-
одолевая последнюю треть пути,
поднимался словно по наклонной
стене. Сидящие на нем вжимались
в свои сидения, крепко держась за
железные поручни или изо всех
сил ухватившись руками за проч-
ную обивку матрасов. Однако рез-
кий подъем слона - его огромная
голова оказалась выше нас - от-
бросил сидящих на нем назад, в
дальний угол. Раздались возбуж-
денные и веселые крики. Мой же
крик выражал только ужас, так как
меня подкинуло, выбросило за по-
ручни, и я заскользил вниз по крупу
слона, тщетно хватаясь пальцами
за складки его грубой кожи, ноги
мои болтались в пустоте. С удиви-
тельным проворством насмерть
перепуганного человека я, даже не
сознавая, что делаю, успел обеими
руками уцепиться за слоновий
хвост и сползал по нему, словно по
водосточной трубе.

Наверное, тело мое сохранило
отдаленную память о моем про-
шлом гимнаста, делающего при
соскоке с трапеции или с брусев
сальто в воздухе и точно рассчиты-
вающего траекторию прыжка. На
расстоянии полуметра от земли я,
оттолкнувшись, выпустил хвост
слона, приземлился на корточки
подале от его тяжелых ног и оп-
рокинулся на спину. Потом пере-
вернулся на бок и посмотрел...
Слон продолжал подниматься, а
сидящие на его спине, обернув-
шись, глядели на меня широко рас-
крытыми от изумления глазами!

*Перевод с арабского
и предисловие
д.ф.н. В.Н. Кирпиченко*